

С. Я. ВОРТМАН

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ «ОДЕССКОЙ ГЛАВЫ» БИОГРАФИИ ПУШКИНА

Значение «Одесской главы» биографии Пушкина было отмечено еще дореволюционным пушкиноведением. Дворянские и буржуазные исследователи, изучая жизнь и творчество поэта, собрали обширный фактический материал, в котором значительную роль играли источники для изучения одесского периода жизни Пушкина.

Уже дореволюционное пушкиноведение располагало многими документами, дававшими возможность воссоздать обстановку, в которой находился Пушкин в Одессе, осветить важнейшие проблемы этого этапа его жизни и творчества. Публикации архивных материалов Министерства иностранных дел, по которому числился Пушкин в пору своей южной ссылки, переписка Воронцова и Нессельроде, официальные документы из канцелярии Воронцова — все это в значительной своей части к концу XIX — началу XX века было уже в распоряжении исследователей. Ценные материалы для освещения одесского периода биографии Пушкина, содержащиеся в переписке и воспоминаниях его современников, также вошли в сферу научного обращения еще в прошлом столетии. Широко используются до настоящего времени такие важные для истории русской литературы начала XIX века издания, как «Остафьевский архив» Вяземских, «Архив Раевских», воспоминания Вигеля, Липранди и других современников Пушкина. Было опубликовано в значительной своей части и эпистолярное наследие Пушкина — один из немаловажных источников для изучения биографии и творчества поэта.

Однако идейная ограниченность, несовершенство, а то и порочность методологии не позволили дореволюционным ис-

следователям создать подлинно научную, соответствующую объективной исторической действительности концепцию жизни и творчества Пушкина, в свете которой была бы правильно понята и «Одесская глава» творческой биографии поэта.

К тому же следует напомнить, что изучение наиболее важных вопросов этой главы оставалось закрытым на протяжении нескольких десятилетий после смерти Пушкина, и П. В. Анненков, один из первых его биографов, свое исследование, посвященное периоду южной ссылки, смог опубликовать лишь в 70-х годах прошлого столетия, указав в предисловии к книге, что она является своего рода дополнением к ранее изданной им биографии Пушкина¹. На книге П. В. Анненкова «Пушкин в Александровскую эпоху», наиболее значительной из дореволюционных попыток обрисовать одесский период биографии Пушкина, стоит несколько задержаться. Анненкову удалось наметить основной комплекс вопросов, важных для понимания одесского периода жизни и творчества Пушкина, которые привлекают внимание и советских исследователей вплоть до наших дней: тут поставлен вопрос о профессионализме Пушкина, об осознании им своего писательского назначения, вопрос о романтизме поэта и т. п.

В оценке отношений Пушкина и Воронцова и причин высылки поэта из Одессы Анненков сумел подняться выше понимания конфликта между Пушкиным и Воронцовым как конфликта личного, показав политическую подкладку ссылки Пушкина в Михайловское. Он отмечает значение Одессы как революционного очага на юге страны, указывает, что здесь были деятели зарубежного революционного движения, с Одессой были связаны будущие декабристы, всего через полгода прибыли в Одессу ссыльные польские революционеры (Мицкевич и Ежовский).

Маршрут Пушкина, указывает Анненков, был составлен с целью отдалить его от Киева и тех польских и русских знакомых, каких он мог там встретить. Интересен вывод Анненкова: «Все эти предосторожности убеждают, что правительство уже знало о существовании заговора на юге России и о ветвях, которые оно пустило в разных направлениях, и принимало в соображение, при удалении Пушкина из Одессы, его связи с лицами, сделавшимися ему более или менее подозрительными». Но наряду с этим Анненков реабилитирует Воронцова, считая, что в своих донесениях о желательности высылки Пушкина из Одессы (по существу это были политические доносы) Воронцов приводил мотивы, которые наименее могли «ловредить Пушкину во мнении правительства». Та же тенденция к реабилитации Воронцова звучит в утверждении, что «в этом

¹ См. П. В. Анненков. Материалы для биографии Пушкина. СПб., 1856; его же. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874.

странном споре сторона, обладавшая властью и всеми средствами для уничтожения безрассудного сопротивления, показала умеренность, сдержанность и достоинство, стоящие вне всякого сомнения».

Не ограничиваясь узкобиографическим подходом к теме своего исследования, Анненков широко освещает и вопрос эволюции стиля Пушкина.

Правильно наметив проблему романтизма Пушкина как одну из важнейших творческих проблем периода южной ссылки поэта, Анненков отрывает пушкинский романтизм от его жизненной, национальной почвы, называя становление реализма в творчестве Пушкина «обрусением» его таланта», которое «началось с «Онегина», то есть с первого появления Пушкина в Одессе». Ко времени переезда в Одессу Анненков относит окончание пушкинского романтизма, приходящегося на период с 1821 по 1823 год — «один из самых мятежных периодов его жизни», от которого он приходит к «чистому творчеству». Дальнейший жизненный и творческий путь Пушкина Анненков стремится представить как все большее превращение Пушкина в «чистого художника», все дальше и дальше уходящего от жизни своей эпохи к высотам эстетического созерцания.

Эта оценка Пушкина с позиций «чистой эстетики», положенная Анненковым в основу своего труда, значительно уменьшила ее достоинства, однако тщательность изучения материалов, тонкость анализа, талантливость изложения делают ее одним из заметнейших явлений дореволюционной биографической пушкинианы.

У большинства дореволюционных биографов Пушкина факты его жизни получали заведомо тенденциозное освещение. Яркой иллюстрацией этого является работа реакционного литературоведа конца прошлого века А. Незеленова «А. С. Пушкин в его поэзии. Первый и второй периоды жизни и деятельности» (СПб., 1882). Для Незеленова ранний период жизни и творчества Пушкина не более как «подражательная, бурная и полная ошибок, колебаний и заблуждений эпоха жизни будущего великого поэта». Его политические стихотворения «не имеют серьезного характера», «идеи о вольности, о свободе... граничат с темной стороной байронизма». Все, даже самые тяжелые события в жизни Пушкина Незеленов рассматривает в свете какого-то благого провидения, которое неизменно оберегает Пушкина, ведя его к неким высшим целям: «Высылка из Петербурга спасла Пушкина от погибели в чувственных увлечениях»; подоспела как раз кстати и «ссылка в Михайловское»; «без нее творчество Пушкина должно было бы остановиться: он дошел в своем развитии до того момента, когда ему оказалась нужной русская деревня».

Книги Анненкова и Незеленова лишь частично освещали одесский период жизни и творчества Пушкина.

Полный и лучший для своего времени обзор материалов об этом периоде дал Н. О. Лернер в статье «Пушкин в Одессе», предпосланной второму тому венгерского издания произведений Пушкина и сохранившей известное значение и до настоящего времени.

Не останавливаясь на других работах биографического характера, в которых освещается и одесский период творческой биографии Пушкина, мы можем сделать вывод, что они в большей или меньшей степени демонстрировали бессилие старого пушкиноведения создать научную биографию Пушкина и правильно осветить отдельные частные ее вопросы.

Все же в дореволюционные годы был накоплен значительный фактический материал, опубликовано много архивных документов, подготовивших почву для работы новых исследователей. Следует также отметить, что в дореволюционные годы было положено начало традиции изучения одесского периода биографии Пушкина по местным материалам — традиции, связанной с именем «первого пушкиниста» Одессы профессора Ришельевского лицея К. Л. Зеленецкого, начавшего систематическое собиранье материалов и документальное изучение биографии Пушкина.

В ряде заметок, опубликованных на страницах местной газеты «Одесский вестник» и в столичных изданиях, К. Зеленецкий осветил ряд частных фактов биографии Пушкина на основании показаний очевидцев-старожилов Одессы, а также архивных документов². Но наибольшая заслуга К. Зеленецкого, пожалуй, состоит в том, что он в течение нескольких десятилетий неустанно поддерживал в городе живой интерес к пушкинской теме. Об известном успехе в этой области можно судить по тому, что в изданной к 50-й годовщине смерти Пушкина книге В. А. Яковлева «Отзывы о Пушкине с юга России» (1887) был уже дан очерк истории изучения одесского периода биографии поэта.

Видный литературовед, автор многочисленных работ по истории русской, византийской и западноевропейской литературы, проф. А. И. Кирпичников в годы преподавания в Одесском университете опубликовал две весьма ценные для того времени работы, в которых с большей полнотой, чем где-либо, была освещена общественно-политическая и литературная жизнь Одессы в пушкинское время («Одесса и Пушкин». «Исторический вестник» за 1889 год и «Умственная жизнь Одессы в первое столетие». «Одесса» (1794—1894, 1895).

---

² См. К. Л. Зеленецкий. Сведения о пребывании А. С. Пушкина в Кишиневе и Одессе. «Москвитянин», 1854, № 9.

Октябрьская революция открыла огромные возможности для исследовательской работы в области истории русской литературы, в том числе и для изучения жизни и творчества Пушкина. Стали доступными секретные архивные фонды, было обнаружено и опубликовано много ценнейших материалов, позволивших заново прочесть «Одесскую главу» биографии Пушкина.

Одной из первых сводных работ на эту тему явилась статья Б. Л. Модзалевского «К истории ссылки Пушкина в Михайловское», опубликованная в Ленинграде³. Статья была написана на основе критической проверки всех дошедших до нас данных и с использованием новых рукописных материалов (например, писем Воронцова к Лонгинову).

Итоговая работа об одесском годе жизни Пушкина, написанная в сравнительно недавнее время, принадлежит З. А. Бабайцевой, поставившей перед советским пушкиноведением Одессы «сложную и трудную задачу восстановления истинного лица поэта и особенностей того года жизни, который он провел здесь».

В статье дана характеристика пушкинской Одессы — типичного портового города, города резких социальных контрастов, жившего напряженной политической и умственной жизнью, города, в котором была значительная прослойка разночинной демократической интеллигенции, знавшей и распространявшей политические стихи ссыльного поэта. В статье раскрыт политический смысл борьбы Воронцова и Пушкина, показана поэтическая эволюция Пушкина — поэта, выходявшего первым на дорогу русского реализма⁴.

Чтобы не возвращаться к вопросу об отношениях Пушкина и Воронцова, напомним опубликованные в 58-м томе «Литературного наследства» материалы, которые дополнили известные до недавнего времени документы. Речь идет о письме Воронцова (от 28 марта 1824 года) к начальнику штаба 2-й армии П. Д. Киселеву, лично знавшему поэта. Письмо это восполнило одно из недостававших звеньев в ряду ранее опубликованных документов о высылке Пушкина из Одессы. Уместно здесь также привести отклик Воронцова на смерть Пушкина в письме от 12 февраля 1837 года к М. И. Лексу, знакомому Пушкина еще по Кишиневу и Одессе, а в то время крупному чиновнику Министерства внутренних дел: «Покорнейше благодарю за письмо Ваше. Мы все здесь удивлены и огорчены смертью Пушкина, сделавшего своими дарованиями так много чести нашей литературе. Еще более горестно думать, что несчастья это-

³ См. Б. Л. Модзалевский. Пушкин. Л., 1929, стр. 67—94.

⁴ См. сб. «О. С. Пушкин в Одесе». Одеса, Одеське обласне видавництво, 1949.

го не было бы, если бы не замешались в этом деле комеражы (сплетни), которые, вместо того, чтобы успокоить человека, раздражали его и довели до бешенства». Нет сомнения, что сочувственные строки Воронцова о гибели поэта были вызваны его желанием отделить себя в глазах общества от врагов Пушкина. Это предположение подтверждает записка Лекса к Жуковскому от 25 февраля 1837 года: «Имею честь препроводить при сем выписку из письма графа М. С. Воронцова. Он достойно чтит память незабвенного Пушкина и через то усиливает «свои права на общее уважение».

Одной из важнейших проблем советского пушкиноведения при изучении биографии и творчества Пушкина периода его южной ссылки является проблема развития его мировоззрения, его политических взглядов как художника и общественного деятеля, непосредственно связанного с поколением дворянских революционеров и первым этапом освободительного движения. В литературе о декабристах довольно широко освещен вопрос о связях с ними Пушкина. В упоминавшемся уже 58-м томе «Литературного наследства» опубликованы два новых свидетельства о Пушкине и декабристах. Первое относится ко времени Союза Благоденствия, второе касается периода южной ссылки Пушкина. Речь идет о письме М. С. Волконского — сына известного декабриста С. Волконского. Автор письма сообщает, что его отцу было поручено принять Пушкина в Тайное общество, но Волконский не сделал этого, так как не хотел подвергать гениального поэта опасности.

М. В. Нечкина при этом указывает, что здесь говорится не о личном замысле декабриста принять Пушкина в Общество, а о данном ему поручении это сделать, которое по установленным на юге правилам могло исходить лишь от директории Общества. Комментируя дошедшее до нас свидетельство декабриста С. Волконского о намерении принять Пушкина в члены Общества, М. В. Нечкина приводит отрывки из неопубликованных писем С. Волконского к Вяземскому, которые говорят о дружеском отношении декабриста к Пушкину. В письме из Николаева, посланном 16 июня 1824 года, Волконский сообщает: «Пушкин пишет Онегина и занимает собою и стихами всех своих приятелей». Исследовательница считает, что Волконский, очевидно, виделся с Пушкиным в Одессе перед ссылкой поэта в Михайловское. Свидетельство М. С. Волконского очень важно для уточнения истории отношений Пушкина с южными декабристами.

Вопрос о связях декабристов с Одессой широко освещен в недавно опубликованной работе проф. С. Борового «Мицкевич накануне восстания декабристов» («Литературное наследство», т. 60), в которой охарактеризована Одесса конца первой половины 20-х годов XIX века и подчеркнута громадная

роль Пушкина в приобщении передовых людей Одессы к идеям декабристов. В статье отмечается, что Одесса была в те годы не только одним из очагов дворянского «вольнолюбия»: в начале 20-х годов там существовал тайный кружок, в который входили и разночинцы — имеется в виду так называемое «Общество независимых», организатором которого был Сухачев.

Вопрос о наличии в Одессе 20-х годов не только носителей идеологии дворянской революционности, но и новой разночинной интеллигенции нашел своего исследователя в лице Ю. Г. Оксмана, осветившего деятельность «Общества независимых» в ряде статей, первая из которых — «Одесские вольнодумцы пушкинской поры» — была опубликована еще в 1923 году. В числе документов, характеризующих политические и литературные интересы деятелей «Общества независимых», была и нелегальная ода Пушкина «Вольность».

Вопрос о взаимоотношениях Пушкина, его личности и творчества с современной ему исторической средой — один из важнейших вопросов его биографии в целом и одесского периода в частности. Поэтому Одесская Пушкинская комиссия, организованная при Доме ученых в 1924 году, в числе вопросов, подлежащих «местному изучению Пушкина», выдвинула изучение бытовой и литературной среды, в которой жил и с которой общался поэт в Одессе. Реализацией этой программы, помимо докладов в закрытых и расширенных открытых заседаниях Пушкинской комиссии, были три изданных Одесским Домом ученых сборника: «Пушкин. Статьи и материалы», под редакцией М. П. Алексеева (1925—1927).

Пушкинская комиссия занималась изучением литературной и театральной жизни Одессы 20-х годов, политической обстановки на юге России, в Бессарабии и Одессе в 1820—1823 годах, изучением художественных произведений Пушкина. Особое значение имеет выпуск в 1927 году «Словаря одесских знакомых Пушкина», не потерявшего во многом своего большого интереса и в настоящее время. Не только редактором этого сборника, но и тщательным исследователем материалов, напечатанных в нем, был М. П. Алексеев.

В более широком плане литературная жизнь Одессы освещена была уже в наши дни в статье В. С. Алексеева-Попова «Пушкин и литературная жизнь Одессы». Автор работы поставил себе целью изучение влияния Пушкина на развитие литературной жизни Одессы первой половины XIX века. Круг исследуемых вопросов — история разработки литературного портрета Одессы, журнал одесских лицеистов «Ареопаг», общественно-политический облик литературных альманахов, отклики одесских литераторов на смерть Пушкина. Эта статья

была опубликована в сборнике, посвященном 150-й годовщине со дня рождения великого поэта⁵.

Исследователь «Одесской главы» биографии Пушкина не может пройти и мимо в высшей степени интересной работы С. Бонди о так называемом «Воображаемом разговоре с Александром I». Впервые «Разговор» был опубликован в 1884 году И. Д. Якушкиным в описании пушкинских рукописей Румянцевского музея, а затем перепечатывался П. И. Бартеневым. В советское время он перепечатан в книге «Разговоры Пушкина», входит также в Академическое собрание сочинений Пушкина. «Воображаемый разговор» является одним из важнейших документов автобиографического характера об одесской ссылке Пушкина, в особенности о его высылке в Михайловское.

Анализируя сложный и запутанный черновик «Разговора», С. М. Бонди обосновывает то чтение текста, которое по его же предложению введено в Академическое издание. Интересно и убедительно толкование этого документа, вытекающее из его построения. С. М. Бонди высказывает предположение, что «Разговор» предназначался для петербургских друзей Пушкина, принимавших то или иное участие в его судьбе. Целью его было, возможно, показать несправедливость и бесцельную жестокость царя в обращении с ним и разъяснить в то же время ложность обвинений. Особенно нелепкой, по мнению Бонди, казалась Пушкину задача объяснить друзьям свою правоту в споре с Воронцовым. Этой задаче он и посвящает диалог «Когда б я был царем...». Пушкин считает, что царь должен был бы призвать его к себе, выяснить все недоуменные вопросы, проверить правдивость враждебных информаций Воронцова и отпустить его на свободу. Несомненно, в этом диалоге Пушкин, отвечая царю, разъясняет свою позицию и читателям «Разговора», то есть друзьям. Бонди высказывает предположение, что вопрос об отношениях с Воронцовым был для Пушкина центральным местом всего «Разговора» и что именно из-за него и было написано произведение.

Но «примирение» между поэтом и его гонителем оказывается немислимым — отсюда отказ Пушкина от замысла, горькая шутка оканчивает «Разговор»: милостивая аудиенция заканчивается ссылкой в Сибирь.

В заключение следует также указать и на несколько работ советских литературоведов и прежде всего на последнее крупнейшее явление в области пушкиноведения — книгу Б. В. Томяшевского «Пушкин». Значительная часть этой книги посвящена южному, то есть «одесскому» периоду.

В задачи автора не входило изложение цельной биогра-

---

⁵ См. сб. «О. С. Пушкин в Одессе».

фии Пушкина и, еще меньше, истории его времени. Все это введено лишь в меру необходимого для подлинного познания творчества Пушкина.

Одесский период жизни Пушкина совпадает с явно наступающим переломом в его поэтическом пути. «Онегин» стал главным предметом его творческой работы в Одессе. Как произведение одесского периода рассматривает Б. В. Томашевский и «Цыган».

Анализируя работу Пушкина над первыми главами «Онегина», Томашевский отмечает, что Пушкин пришел здесь к новой поэтической системе, которая представлялась ему особенностью только данного произведения. Из-под его пера продолжали появляться произведения в прежнем романтическом духе. Так, после начала работы над «Онегиным» Пушкин пишет «Цыган». Центральной проблемой анализа поэмы является вопрос о природе романтизма Пушкина, о задаче, которую поставил поэт, создавая образ Алеко. Томашевский считает, что она заключалась не в «развенчании» героя, а в изображении его трагической безысходности. Б. В. Томашевский прослеживает варьирование формулы Незеленова о «развенчании Алеко», о преодолении байронизма в работе современных пушкиноведов, которые хотя и вкладывают в эту формулу новое содержание, но, вопреки своему желанию, повторяя ее, воскрешают и старое понимание.

Такое понимание образа Алеко и идеи произведения приводит к отрыву поэмы от поэтической системы, определяющей ее смысл и содержание.

Анализируя лирику одесского периода, Б. В. Томашевский в первую очередь останавливается на стихотворениях «Свободы сеятель пустынный» и «Недвижный страж дремля на царственном пороге», приходя к выводу, что перед Пушкиным уже встал вопрос о народе как творце истории. Поражение революционных движений, не поддержанных народом, ставило перед Пушкиным более широкий вопрос о народной революции.

Исследуя письма Пушкина периода его жизни в Одессе, Б. В. Томашевский прежде всего отмечает, что в них появилась новая тема о профессионализме писателя и его праве на независимость. Автор повторяет высказанное им в 1949 году предположение, что адресатом известного письма Пушкина, содержавшего его признание в атеизме, был не Вяземский, как обычно указывается, а Кюхельбекер. Об этом говорит содержание письма. Вяземский был в курсе жизни Пушкина в Одессе, знал о его работе над Онегиным еще из письма от 4 ноября 1823 года. В письме же говорится: «Ты хочешь знать, что я делаю — пишу пестрые строфы романтической поэмы». Интерес к лирической поэзии, к библейской

поэзии был присущ Кюхельбекеру, что служило предметом споров еще в лицейский период. Пушкин приемами школьной шутки критикует Кюхельбекера.

Б. В. Томашевский указывает на то, что выписка из письма Пушкина была представлена царю в то время, когда особенно усилился официальный мистицизм, когда Александр I прислушивался к пророчествам митрополита Фотия, «грозившего всевозможными бедами от революции и безбожия»⁶.

Пушкин и без того был известным политическим врагом, его слово имело силу, и Александру показалось недостаточным исключить его из числа чиновников — он приказал сослать Пушкина в Михайловское. Одессу Пушкин покинул 31 июля 1824 года.

К числу новых и интересных материалов относится опубликование вновь найденного письма Пушкина.

В одном из выпусков польского историко-литературного журнала «Pamiętnik Literacki» за 1956 год, издаваемого Институтом литературных исследований Польской академии наук, Юлиан Маслянка опубликовал недавно найденное им новое письмо Пушкина⁷. Письмо это было обнаружено в Государственном Архиве в Кракове в фонде рукописного собрания одной из ветвей рода Потоцких.

В журнале приведен подлинный французский текст и фотоснимок с автографа, польский перевод и комментарий. Автограф Пушкина принадлежал Екатерине Потоцкой, урожденной Браницкой — племяннице Е. К. Воронцовой. Письмо датировано 5 марта 1834 года.

Особый интерес письма заключается в том, что оно является первым и пока единственным, сохранившимся из переписки Пушкина с Е. К. Воронцовой.

Польскому исследователю осталось неизвестным письмо Воронцовой, вызвавшее ответное письмо поэта. В связи с этим М. П. Алексеев излагает более чем полувековую историю изучения письма, впервые опубликованного Шляпкиным в 1903 году; в этом изучении принимали участие и автор публикации М. П. Алексеев и З. А. Бориневич-Бабайцева⁸.

Письмо Пушкина является ответом на просьбу принять участие в литературном альманахе «Подарок бедным», который предполагало издать в конце 1833 года Женское благотворительное общество в Одессе, председательницей которого была Е. К. Воронцова.

⁶ Б. В. Томашевский. Пушкин, кн. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 671.

⁷ Julian Masłanka. Nieznany list Puszkina. «Pamiętnik Literacki», rocznik XLVII, zeszyt I. Warszawa—Wrocław, 1956, str. 179—188.

⁸ См. М. П. Алексеев. Новое письмо Пушкина. «Известия АН СССР», т. XV, вып. 3, 1956.

Вместе с ответным письмом Пушкин послал для альманаха рукопись «Несколько сцен из трагедии, которую я имел намерение написать». М. П. Алексеев высказывает предположение, что присланной рукописью могли быть сцены из «Русалки».

Однако рукопись не была напечатана. По предположению Ю. Г. Оксмана, она опоздала.

Ниже приводится текст этого письма Пушкина:

«Графиня, вот несколько сцен из трагедии, которую я имел намерение написать. Я хотел положить к Вашим ногам что-либо менее несовершенное; к несчастью, я уже распорядился всеми моими рукописями, но предпочел провиниться перед публикой, чем ослушаться Ваших приказаний.

Осмелюсь ли, графиня, сказать Вам о том мгновении счастья, которое я испытал, получив Ваше письмо, при одной мысли, что Вы не совсем забыли самого преданного из Ваших рабов?».

Вновь опубликованное письмо Пушкина, связанное с его жизнью в Одессе, упоминание поэта о том, что он послал отрывок какого-то произведения, ставят в настоящее время перед пушкиноведами трудную задачу, заключающуюся в необходимости произвести тщательные поиски присланного Пушкиным отрывка.

Архивы, Воронцовский фонд в научной библиотеке, материалы библиотеки им. М. Горького могут подсказать пути, по которым следует идти исследователям. Это тем более необходимо сделать, так как все текстологические изыскания и изучения помогут углубленному и правильному пониманию великого пушкинского наследия.

ПУШКИНСКИЕ НАУЧНЫЕ КОМИССИИ ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ МФ АН СССР И ОДЕССКОГО ДОМА
УЧЕНЫХ

ПУШКИН
НА ЮГЕ

Труды
Пушкинской конференции
Одессы и
Кишинева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИНЦА»
МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
КИШИНЕВ * 1961